

Воспоминания В. А. Добровольского о Саше Черном

Источник: Литературно-художественный журнал
"Русский Глобус", Июль 2002, No 5

*Ну, так вот – такой поэт примчался к вам:
Это ваш слуга покорный,
Он зовется "Саша Черный"...
Почему? Не знаю сам.*

Представляясь таким образом малышам, поэт немного лукавил. Однажды он открыл секрет своего псевдонима: "Нас было двое в семье с именем Александр. Один брюнет, другой блондин. Когда я еще не думал, что из моей "литературы" что-нибудь выйдет, я начал подписываться этим семейным прозвищем".

Саша Черный родился в Одессе, в 1880 г. Настоящая его фамилия – Гликберг, а звали его Александр Михайлович, в детстве просто Саша. Семья была большая, зажиточная. Отец – провизор. Дед – купец, торговец скобяными товарами. О матери почти ничего не известно. Глава семьи был чрезвычайно суров и крут нравом и чуть что – жестоко наказывал детей (у Саши были еще два брата и две сестры) за малейшую провинность.

Чаще всех доставалось, судя по всему, Саше, исключительному выдумщику и фантазеру. То пытался он сделать непромокаемый порох из серы, зубного порошка и вазелина, то изготавливал чернила из сока шелковичного дерева, превращая квартиру в небольшой химический завод. Нет, ни озорником, ни задирой, ни хулиганом его не назовешь. Просто-напросто: "Мальчик был особенный. Из тех мальчиков, что шалят-шалят, вдруг притихнут и задумаются... И такое напридумают, что и выговора серьезного сделать нельзя, – начнешь выговаривать, да сам и рассмеешься" (Саша Черный о себе).

Впрочем, родители Саши не были столь снисходительны и отнюдь не поощряли его хитроумные затеи и выдумки. Вот что впоследствии поведала жена Саши Черного: "Никто никогда ничего ему не дарил, когда он был ребенком. И когда он, за неимением игрушек, находил в доме что-нибудь, что можно было бы приспособить для игры, его наказывали" (Александрова В. Памяти Саши Черного. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1950, 1 октября).

Когда Саше исполнилось 15 лет, он, не в силах более терпеть семейное иго, убежал из дому, последовав примеру старшего брата. Много скитался, попал, наконец, в Петербург, где пытался продолжить учебу. Однако был отчислен из гимназии за несданный экзамен по алгебре. Беглец оказался в катастрофическом положении, без всяких средств к существованию. Написал отцу и матери, моля о помощи, но те наотрез отказались от блудного сына. К счастью, нашлись сердобольные люди – помогли, кто чем мог. И наконец, узнав о бедственном положении юноши, брошенном семьей, Сашу Гликберга приютил обеспеченный и великодушный человек из Житомира – Константин Константинович Роше. Предоставил кров, дал возможность продолжать учебу. Больше того: заметив в своем воспитаннике искру Божью, преподавал первые уроки стихоплетства.

Ребячьи обиды не исчезают бесследно. Немудрено, что лишенный детства поэт не любил вспоминать об этой "золотой" поре. Лишь однажды он выговорился, дал волю своим чувствам. Но то было не его собственное сочинение, а перевод автобиографии австрийского юмориста и сатирика Сафира.

Нельзя не подивиться, сколь много общего в их доле:

"У меня не было детства! У меня не было юности! В книге моей жизни недостает этих двух золотых вступительных страниц. Детство, яркая, пестро окрашенная заглавная буква, вырвана из длинных строк моего бытия! У меня не было ни детства, ни юности... У меня не было ни именин, ни дня рожденья! У меня не было свивальника, и для меня не зажигалась елка! У меня не было ни игрушек, ни товарищей детских игр! У меня никогда не было каникул, и меня никогда не водили гулять! Мне никогда не доставляли никакого удовольствия, меня никогда ни за что не награждали, меня никогда не радовали даже самым пустяшным подарком, я никогда не испытывал ласки! Никогда меня не убаюкивали ласкающие звуки, и никогда не пробуждал милый голос! Моя судьба залепила черным пластырем два сияющих глаза жизни – детство и юность. Я не знаю их света и их лучей, а только их ожоги и глубокую боль".

Именно превратностям этой судьбы, столь необычной и горестной, обязаны мы чуду появления такой, ни на кого не похожей, как бы раздвоенной личности, имя которой "Саша Черный". Поэт и сам сознавал эту двойственность и не раз признавался в стихах: "Мне сейчас не тридцать лет, а четыре года...". Или даже так: "Мне триста лет сегодня, а может быть, и двадцать, а может быть, и пять". К Саше Черному по праву могут быть отнесены слова: